

В той первой и единственной в жизни экспедиции всем было жарко. А ему было хорошо. Но он так и не решился никому в этом признаться. Он готов был не только сидеть часами на солнце, но и закапываться в горячий песок пустыни. Многого забылось. Память подводит. И сама экспедиция практически не вспоминается, вот только то ощущение счастья от жаркого солнца время от времени накатывает. Особенно в такой серый день, как сегодня.

В экспедицию тогда подался за Тонькой. Он любил её уже года два, да проклятая нерешительность... А тут встретились на улице и она ему с ходу: еду, мол, в экспедицию. В пустыню. За красивой жизнью. Мне деревня наша уже поперёк горла стоит. Ему деревня поперёк горла не стояла. Жил себе и жил. Любил Тоньку, от всех по секрету. Работал. Но идея экспедиции его захватила. Или же захватила идея быть рядом с любимой? Сейчас уже и не вспомнишь. И заработать, конечно, захотелось. Хотя, тогда сразу подумалось: что там, в пустыне, в песках заработаешь? И, в принципе, оказался прав. Тонька на его решение ехать вместе никак не отреагировала. Не проявила ни радости, никаких других чувств.

Тонька нанялась в экспедицию поваром. Он – разнорабочим. Поехали вместе. Билеты купил он. Из-за нехватки жилья какое-то время жили в одной палатке. Как-то торопливо и бестолково жили. А потом Тонька выскочила замуж за начальника экспедиции, который ей в отцы годился, и перебралась в его палатку. А он вернулся в родную деревню. Не хотел досматривать, чем этот палаточный переезд закончится. Вернулся без длинного рубля, на который, впрочем, и не рассчитывал изначально. Без любимой девушки. Но с ощущением, что жаркое солнце – это счастье.

Больше из своей деревни надолго не уезжал. Если только по какой необходимости... А необходимостей с каждым годом становилось всё меньше. Семьёй так и не обзавелся, навещать в городе

было некого. Без того слабый интерес к культурной жизни с годами становился всё слабее, пока совсем не пропал. А сейчас, на старости лет, вдруг начал сожалеть о том, что не погнался тогда за солнцем и пустыней. Надо было не домой возвращаться, а податься в другие места. В другие пески. Под другое жаркое солнце. К другой женщине.

Дмитрий Иванович поднялся с продавленного дивана, отодвинул давно не стиранную занавеску и посмотрел в окно. Смеркается. Дождь, который уже третий день размывает дороги, и не думает заканчиваться. «А чего ещё ждать?» – подумалось. В его северных краях в октябре солнца и жары никто не обещает.

Ночью спал крепко. Давно такого не случалось. Сквозь сон слышался шорох песка. Как будто кто-то над самым ухом пересыпал чистый песок пустыни из одного детского ведерка в другое. Хотелось проснуться и открыть глаза, но никак не удавалось. Сон затягивал, как в омут, накрывал чернотой. Казалось, что кто-то держит за ноги и не дает выплыть. А песок всё сыпался. И чудилось, что рядом с ним, на диване, спит безразличная ко всему на свете Тонька. Обнял её и стало теплее.

Как ни странно, утром его разбудило солнце, бьющее сквозь неплотно задёрнутую занавеску. Дмитрий Иванович посмотрел на часы. Восемь утра. Обычно, в октябре в это время только светает. «Чудны дела твои, Господи!» Он откинул подушку, которую ночью принял за Тоню и крепко держал в объятиях, поднялся с дивана и выглянул в окно. Его двор заливало солнце. За забором сплошной серой стеной стоял дождь. И явственно слышался звук сыплющегося песка.

Поставив на плиту чайник, Дмитрий Иванович вышел во двор. Огляделся. Солнце пекло не по-утреннему жарко. С покатою крыши дома, со стороны стены, в которой не было окон, тонкой струйкой сыпался песок. Белый, чистый и сухой. Как просеянный. Именно такой, как в той пустыне. Он приставил к крыше лестницу и поднялся. Ничего нового. Крыша как крыша. Откуда берется песок – непонятно. Дмитрий Иванович аккуратно спустился, взял лопату и начал равномерно рассыпать песок по двору. Земля на грядках, которая ещё вчера была раскисшей от дождя, высохла и растрескалась. Он присыпал трещины песком и с корнем вырвал всю чахлую растительность.

– Мить! А, Мить! – раздался звонкий голос соседки, – Что это за чудеса тут происходят?

Дмитрий Иванович опёрся на черенок лопаты, внимательно посмотрел на бабу Маню и усмехнулся. Вчера еще девчонкой была. Машка-соседка. Влюбилась в него ровно в тот год, когда он положил глаз на Тоньку. Он это сразу понял по тому, как часто эта Машка стала случайно встречаться на его пути. С вызовом смотрела в глаза и теребила косу. И с экспедиции его дождалась. А через год после его приезда, устав теребить косу и ждать на крыльце погоды, выскочила

замуж, родила двоих детей. Жила себе жила и как-то незаметно из весёлой Машки-соседки превратилась в состарившуюся бабу Маню. Может, потому, что рано овдовела.

– Мить! – вновь позвала соседка.

Она стояла в высоких резиновых сапогах, старом дождевике, надетом поверх осеннего пальто, и под перекошенным зонтом. Две сломанные спицы неприкаянно болтались и, судя по всему, совсем не раздражали Машу.

– Чего это солнце только над твоим домом светит?

– А тебе что, солнца жалко?

– Не жалко. Но чудно как-то.

Дмитрий Иванович повернулся спиной к соседке и принялся рассыпать по двору песок, которой продолжал золотой струйкой стекать с крыши.

– Мить! – вновь позвала Маша, – Чего ты кусты подёргал-то?

Поди, под солнцем, они разрослись бы.

«Вот настырная, – подумал Дмитрий Иванович, – Кусты ей мои сдались. Где это она видела, что в песках зеленюха растёт?»

– Мить, а можно у тебя во дворе чуток посидеть?

– Ты куда шла, Маша? – Дмитрий Иванович в раздражении откинул лопату на песок, – В магазин, поди?

– В магазин, – подтвердила соседка, – Вчера хлеб свежий подвезли.

«Дура. Вчерашний хлеб свежим называет» – Митя вновь повернулся к Маше спиной.

– Так посидеть под солнцем можно? Мить?

Он, не оборачиваясь, махнул рукой. Этот жест можно было понимать, как хочешь. Можно решить, что тебе сказали – иди, мол, отсюда. Можно решить, что... Баба Маня именно так и решила. Она аккуратно приоткрыла калитку, вошла во двор. Прошла по песку к нагретой солнцем табуретке, которая, позабытая, стояла во дворе ещё с прошлого года. Села. Подняла лицо к солнцу и зажмурилась от удовольствия. Потом стянула с ног резиновые сапоги, сняла носки и закопала ступни в горячий песок.

– Мить! – крикнула баба Маня, не открывая глаз, – Хорошо у тебя! Тепло. Как в раю.

Посидев так минут пять, соседка открыла глаза и оглянулась. Весь двор был засыпан ровным слоем золотого песка. Солнце стояло в зените. В центре двора в песок воткнута лопата. Дмитрия Ивановича нигде не было.

Он отметил, что стал хорошо спать. Глубоко, крепко и без тяжёлых мыслей. Часто во сне видел Тоньку. Обнимал её, прижимался всем телом и замирал. Большого ему было не надо. Вдруг вспомнилось,

как он впервые Тоню обнял. Так, чтобы всю её почувствовать. Это случилось в первый их день в пустыне. Они стояли у палатки начальника экспедиции, которого все называли Старшой. А Старшому тогда, поди, и сорока лет не было. Бритый наголо, вечно в военной выцветшей панаме, лицо ветром и солнцем выдублено до коричневого цвета. А глаза голубые-голубые.

Начальник тогда что-то выписывал из их паспортов в канцелярскую книгу. И тут из-за брезентовой палатки вышел верблюд. Тонька вскрикнула и сделала шаг назад. А он, отреагировав на её крик, сделал шаг вперед. И столкнулись. Обхватил её руками и прижался лицом к затылку. Со стороны могло показаться, что он верблюда испугался сильнее, чем Тоня, и спрятался за её спиной. А ему в тот момент было наплевать, кто что подумает. Ему было хорошо.

– Вас в одну палатку селить, что ли? – спросил тогда Старшой.

Тоня безразлично пожала плечами, а он согласно кивнул.

– Ну, значит, в одну, – начальник вернул паспорта.

Но от взгляда Мити не ускользнуло, что Старшой проверил в Тонькином паспорте страницу, где ставят штамп о семейном положении.

– У нас тут не гостиница класса люкс, так что отдельных палаток на каждого нет.

Верблюд стал вторым существом после Тони, к которому Митя прикипел всей душой. Его в этом животном завораживало всё. Особенно нравилось внешнее безразличие верблюда к окружающей жизни. Мите казалось, что они этим очень похожи. Ему тоже ни до кого не было дела. Он бы мог тогда взвалить на спину Тоньку, как горб, и ходить с ней по пустыне. Мог и хотел. Но начальник экспедиции, видимо, предложил нечто большее. А он не придумал ничего лучше, чем изобразить полное безразличие к происходящему, а затем и покинуть экспедицию. Странно, но тогда, в молодости, этот поступок казался ему смелым. А сейчас, во сне, подумалось – а ведь он тогда труса праздновал. Повел себя, как верблюд.

Дмитрий Иванович уже привык к тому, что утром его будит солнце и за окном слышится тихий звук сыплющегося тонкой струйкой с крыши песка. Но сегодня пустынную тишину солнечного утра тревожили какие-то посторонние звуки. Кто-то время от времени за окном громко вздыхал.

«Маньку, что ли, черти принесли?» – подумал он и представил, как соседка сидит на щербатой табуретке посреди двора, шуруется на утреннее солнце и блаженно вздыхает. Он прислушался к себе и понял, что присутствие или отсутствие Мани в его жизни никак его не волнует. Пришла – и ладно. Не пришла – тоже хорошо. Дмитрий Иванович не

спеша оделся и вышел на крыльцо дома. Песок уже подобрался к первой ступеньке.

– Зейнаб... – выдохнул он.

Каким-то чудом это полностью забытое имя всплыло в голове. Именно так звали ту верблюдицу, которая напугала Тоньку. Дмитрий Иванович торопливо спустился со ступенек крыльца, подошел к животному, которое мирно лежало на песке, гордо вскинув голову.

– Зейнаб... – Он обнял верблюдицу и прижался к ней всем телом. Как тогда к Тоньке. И впервые в жизни пожалел, что не завёл семью. Что-то та пустыня в нём выжгла. Прожил жизнь колючкой, которой противопоказаны дожди и снега. Женщины после Тоньки у него, конечно, были, но как-то лениво. Без душевного трепета. Он зарылся лицом в густую шерсть. Верблюдица пахла солнцем, пустыней и костром. И самую малость – Тонькой.

На грядках, которые давно уже изрядно присыпало песком, цвела верблюжья колючка. Мелкие зеленые листья и нежные сиреневые цветы. А у той стены дома, которая без окон, раскидистым небольшим деревом красовался саксаул.

– Мить! – раздался голос соседки.

Она стояла за калиткой всё под тем же перекошенным зонтом.

– Это что за зверь такой?

«Сама ты зверь» – беззлобно подумал Дмитрий Иванович.

– Я зайду? – спросила Маня.

Дмитрий Иванович оторвался от верблюдицы и махнул рукой. Затем взял лопату и начал разбрасывать по двору песок. Баба Маня по своему расценила его жест, открыла калитку и вошла во двор.

– Ух ты ж какая! – восхитилась она верблюдицей, стоя на почтительном расстоянии, – Поди, хорошо ей тут, у тебя? Как на юге.

Соседка, аккуратно ступая по песку, как-то бочком и неуверенно двинулась к табуретке. Прежде чем сесть, отряхнула. Уже привычным движением стянула резиновые сапоги, сняла носки и закопала ступни в песок.

– Знаешь, Мить, посидела так прошлый раз у тебя на солнышке – и, не поверишь, ноги болеть перестали. А ведь всего минут десять посидела.

Дмитрий Иванович, продолжая разбрасывать песок, подумал, что и его, уже неделю как, радикулит не мучает.

– Мить, и долго у тебя такое будет?

– Какое?

– Такое, – Маня обвела рукой двор. – У нас-то вон дождь. Залило всё к чертям собачьим. А у тебя как в санатории: солнце светит, зверь чудной по двору ходит.

– Можно подумать, ты в санаториях бывала.

– Не бывала. Но всегда думала, что там именно так: тепло и везде виноград растёт. Лежишь себе на песке, а виноград прям над тобой. И вставать не надо, чтобы ягодку отщипнуть.

– Дура ты, – досадливо сказал Дмитрий Иванович и воткнул в песок лопату, – Кому в санаториях этот виноград нужен?

Баба Маня отвернулась и обиженно засопела. Дмитрий Иванович подошел к кустам верблюжьей колючки, слегка подёргал за ствол. Колючка крепко держалась корнями за песок. «Совсем как я, – подумал он. – Держусь воспоминаниями за ту пустыню».

– Мить, а как это получается, что у тебя солнце, а у других нет?

– А я за других не думаю.

– Я ведь что пришла, Мить! – соседка встрепенулась и шлепнула себя ладонью по лбу, – Ты Тоньку-то помнишь?

Дмитрий Иванович повернулся к Мане спиной и решил не отвечать.

– Конечно, помнишь. Столько лет сохнешь по ей...

Маня всё смотрела на Митю, ожидая, что повернётся, но он продолжал стоять спиной к ней и нежно гладил Зейнаб по голове.

– Ну и молчи, сыч старый! Всю жизнь бирюком прожил. И сейчас от тебя радости никакой. Даже солнца людям жалеешь, – она натянула носки, надела резиновые сапоги, не забыла прихватить корявый зонт и направилась к калитке.

– Так что там с Тоней? – крикнул Дмитрий Иванович, когда Маня уже на несколько шагов отошла от забора.

– Померла Тоня.

Перед сном он позволил себе расслабиться и поплакать. Слезы текли по небритым щекам и закатывались за ворот рубашки. Выпил рюмку водки. Помянул. Вторую пить не стал. С водки ему всегда становилось плохо. С водки не шло ни успокоение, ни веселье. Ночью, сквозь сон, он слышал, как кто-то по-хозяйски переставлял на кухне вещи. Звенела посуда, хлопали дверцы шкафа. Чем-то скребли по полу. Встать и проверить, кто там, было лень. «Поди, Маня пришла, – подумал он, – Хозяиничает». И вдруг его озарила мысль, что не так это и плохо. Пришла, и пришла. Пусть живёт. Она одна – сыновья уж лет десять как подались в город. Он один. Через некоторое время звуки не то что прекратились, но поутихли. Крепкий сон накрыл его тёплым ватным одеялом.

Под утро, в то самое время, когда солнце ещё не встало, но ночь уже светлеет, его разбудил скрип двери. В комнату вошла Тонька. На голове – тюрбан из полотенца. На белом, ничем не прикрытом теле, капли воды. Она, ничуть не смущаясь, легла рядом и прижалась к нему всем телом. Ее кожа пахла мылом и свежестью. Тёплая, нежная и неожиданно податливая.

– Тоня... – прошептал он, – Как я мог поверить, что ты умерла?
– Димочка, – она провела ладонью по его лицу.

«Димочка»... Так называла его только Тонька.

– Какая ты молодая, – прошептал Дмитрий Иванович.

– Молодая?

Тоня хмыкнула.

– Мы ведь с тобой ровесники, Димочка. А мне с ровесниками тогда не интересно было.

Вспомнилось: она всегда так хмыкала. Он крепко обнял Тоню и подумал, что никогда не чувствовал себя таким молодым и сильным, как сейчас. В молодости – молодости не чувствуешь. Принимаешь как данное.

Утром комнату заливало солнце. К солнцу Дмитрий Иванович уже привык. Тони в комнате не оказалось. В этом она вся – как кошка. Без спроса пришла, без предупреждения ушла. Подушка, на которой она спала, была чуть влажной. «Ничего, – подумал он. – Вынесу на солнце – вмиг просохнет». На кухонном столе красовалась большая тарелка с блинами. Такие блины Тонька пекла в экспедиции. Нанялась поварихой, а кроме блинов ничего толком не умела. Авантюристка. Но Старшой к её обману отнесся спокойно. «Жили на тушенке с макаронами, – сказал он тогда, – и ещё проживем».

Дмитрий Иванович неторопливо, со вкусом, позавтракал, взял подушку и вышел во двор. Солнце было ещё не жарким, оно только набирало силу. За забором лежал снег. Первый, белый, не тронутый.

– Зейнаб... – нежно проговорил он, бросил подушку на крыльцо и направился к верблюдице, которая мирно стояла на том самом месте, где когда-то были грядки с укром и редиской, а сегодня из песка торчала верблюжья колючка.

Димочка, (он сегодня себя чувствовал именно Димочкой, молодым, сильным и влюблённым) нежно обнял верблюдицу и приник к ней лицом. Зейнаб пахла солнцем, самую малость – морозом и тем мылом, запах которого уловил он от Тониных волос. В самом центре двора из песка торчали четыре колышка. Именно так вбивают колья, когда собираются ставить палатку. Или когда надо за столбить территорию. Димочка усмехнулся, поднял руки вверх и потянулся всем телом. Как он мог подумать, что ночью на кухне хозяйничала Маня? Он таких, как Маня, никогда не любил. Однобокая. От того однобокая, что всю жизнь бочком передвигается. Боится потревожить своим присутствием. А Тоня – другая. Тоня может ворваться, как ветер, и всё перевернуть. Пусть он ей неинтересен, но она вобьет кол. Застолбит своё. На всякий случай. А потом между кольями веревку натянет и бельё развесит. И в самом центре веревки – своё исподнее. Самое сокровенное. Чтобы у других отбить желание права заявлять. Она и в

пустыне тогда натянула веревку у палатки Старшого и развесила их труссы рядом. Его семейные и свои с кружевом. Где только брала такие. Он, честно говоря, только по трусам всё понял. А Маня даже не решилась заговорить с ним, когда он из экспедиции вернулся. Стояла на его пути и смотрела во все глаза, да косу теребила. Теребёха...

– Мить! Снег вот выпал. Всю ночь мело, – соседка стояла за забором в потёртой цигейковой шубе, пуховом платке и валенках. Лицо покраснелось от мороза, но это её совсем не молодило, а даже наоборот. Димочка продолжал гладить Зейнаб и улыбался. Он вспоминал свою ночь. У Мани мело, а у него счастье.

– Мить, зайти-то можно?

Почему-то стало неприятно, что Машка войдет и будет топтаться по их с Тоней пустыне.

– Заходи, – тем не менее, сказал он, – Не через забор же перекликаться. Только валенки сними. Нечего в них тут по чистому песку шастать.

Маня отворила калитку и вошла во двор. Стянула с ног валенки и, аккуратно ступая, пошла по песку в одних носках.

– А где табуретка-то, Мить?

Димочка оглядел двор. Табуретка стояла у стены, которая без окон. На табуретке – таз с выжатым, но не развешенным бельём. У табуретки, прямо на песке, небрежно брошено полотенце, из которого Тоня ночью соорудила тюрбан, чтобы подобрать мокрые волосы.

– Постоишь, – ответил он соседке., – Не барыня.

Маня стянула с головы тёплый платок, подняла лицо к солнцу и блаженно зажмурилась. «Вот верблюдица, – подумал Дмитрий Иванович, – Сказали – стой, она и стоит». Он прошел к стене дома, положил таз с бельём на брошенное Тонькой полотенце и понёс табуретку Мане. Она благодарно улыбнулась и тяжело села.

– С чего ты взяла, что Тоня померла?

– Люди так говорят.

– Много твои люди знают.

Димочка взялся за лопату и начал разбрасывать по двору песок. Подумал, что веревку для белья натянет позже, когда соседка уйдёт.

– Мить... Я вот что спросить хочу... – Маня замолчала, тяжело вздохнула, сцепила пальцы рук, так, что костяшки побелели, – Мить, а ты, часом, не умер?

Дмитрий Иванович остановился, как молнией поражённый. Затем вбил лопату в землю, сделал несколько шагов по направлению к Мане и вновь застыл.

– И с чего такая глупость тебе в голову пришла?

– А чего это солнце только над твоим домом? Почему тебе одному хорошо?

– Ты, выходит, считаешь – раз человеку хорошо, то он умер?

– А то нет? – соседка находилась, подобрала ноги и оперлась ступнями о нижнюю перекладину табуретки. Как курица.

– Какая ты старая, Маня, – чётко произнес Митя, – Старая и дурная.

– Чего это я старая? Мы с тобой ровесники, поди.

Дмитрий Иванович сплюнул, пнул ногой торчащую из песка лопату и направился к Зейнаб. Верблюдице удивительным образом удавалось восстанавливать его душевное равновесие. Он приник к тёплой шерсти, вдохнул аромат Тони и прикрыл глаза.

– Мить... А еще третьего дня Клавка пенсию разносила.

– И чего?

– А к тебе не зашла.

Дмитрий Иванович сжался, как боксёр на ринге, и сильнее обнял Зейнаб. В нос ударил запах сырости. Маня своим присутствием в его пустыне даже на запахи влияет. Он открыл глаза и увидел, что сжимает в руках влажную подушку. Странно, что солнце её не прожарило. Он бросил подушку на песок и обвёл взглядом двор. Верблюдицы нигде не было. Резко повернувшись, подошел к Мане и неожиданно грубо толкнул её в плечо. Прежде он на женщин руку не поднимал.

– Знаешь, что? Иди к себе и не приходи больше. Давай, топай!

Димочка еще раз толкнул Маню. Соседка суетливо поднялась с табурета и, как-то неловко, увязая в песке, направилась к калитке. Начала надевать валенки, запнулась и повалилась на землю. Песок поглотил звук падения. Дмитрий Иванович легко подхватил табуретку и швырнул ее в направлении калитки.

– И табуретку свою забери.

– Так она ведь не моя, Мить...

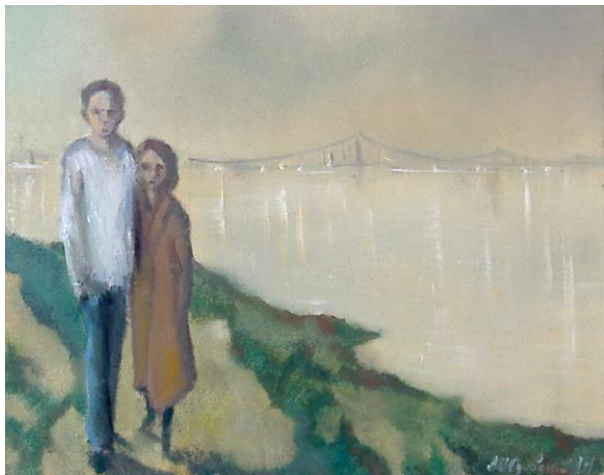
– Всё равно забери! Не хочу, чтобы о тебе что-то напоминало. Глядя на эту табуретку, просто не возможно тебя не вспомнить. Похожи вы очень, Мань!

«А Тоньке новую сколочу, – подумал он, – Таковую, чтобы без изъяна. Чтоб никакие Мани на ней не сидели». Дмитрий Иванович отвернулся и пошёл в дом. Он не хотел видеть, как соседка будет подниматься. Как будет уходить. Он хотел лечь на диван и дожидаться прихода Тони.

Вновь началась метель. Маня, непонятно для чего, тащила с собой табуретку. Свободной рукой, как козырьком, прикрывала лицо от колючего снега. Ей казалось, что идёт уже очень долго, но дом всё не прорисовывался сквозь пелену снега. Хотелось сесть на табурет и отдышаться. Но что-то заставляло её не останавливаясь двигаться вперед. Неожиданно появились контуры дома и двора, залитого солнцем. Маня остановилась, приложила руку к груди, чтобы унять

бешеный ритм сердца. Хватать воздух приходилось открытым ртом, иначе было не вдохнуть.

Немного отдышавшись, Маня неуверенными шагами пошла к дому. Солнце светило так же ярко, как над Митиным двором. По забору вилась виноградная лоза, на которой висели спелые гроздья. Чёрные ягоды, покрытые лёгкой туманной дымкой. Наверное, именно так выглядят ночи в тех санаториях, в которых Маня ни разу не бывала. Женщина поставила в снег табуретку и села. Расстегнула две верхние пуговицы на шубе и ослабила объятия платка. «Неужто Федор... Так ведь помер давно. Но кроме покойного мужа вроде как и некому о доме и дворе позаботиться».

Михаил Юдовский. «Берег Рейна».

Холст, масло, 50х60 см.

Маня сидела посреди зимы и вьюги, и думала, что не решается войти в свой двор так же, как когда-то не решилась подойти к Мите. Вот что мешает сейчас встать и пойти? Ведь мечтала же и о винограде, и о солнце над домом. Можно сейчас войти, лечь на горячую землю и есть сладкие ягоды прямо с лозы. Ведь мечтала... И женой Мити быть мечтала. Стояла на дороге и ждала, когда он её заметит. А Федор тогда просто подошёл, взял за руку и повёл за собой. Как верблюдицу.

Жили, в принципе, неплохо. Ну, пил. А кто не пьёт? Ударил её только раз. Когда она сына первого Митей назвала. А после того, как ударил, потерял к ней всякий интерес. Жили без всплесков. Надо было тогда уйти. Взять сына и бегом к Мите во двор. Решительно. Он бы

принял. А второго сына уже от него бы родить. Глядишь, всё в жизни по-другому сложилось бы. Маня поднялась на ноги, взяла табуретку, уверенно развернулась и пошла по направлению к дому Мити. Снег бил в спину. Идти было гораздо легче. Подумалось, что ещё совсем не поздно всё изменить. У него верблюдица, у неё – виноград. Есть что друг другу предложить. И солнцем делиться не надо. Оно теперь у каждого своё.

Дойдя до Митино двора, Маня задохнулась и почувствовала, как сердце, сделав кульбит, забилося придушенной птицей. Над домом соседа мела вьюга. Двор и крыльцо занесены снегом. У стены дома, которая без окон, стояла свежеструганная, ещё не крашенная, табуретка с шапкой чистого, никем не тронутого снега.